

. О. Генри

Дороги судьбы (сборник)

«ФТМ»

1909

О. Генри

О. Генри — «ФТМ», 1909

ISBN 978-5-4467-2309-6

ISBN 978-5-4467-2309-6

© О. Генри, 1909
© ФТМ, 1909

О.Генри

Дороги судьбы
(сборник рассказов)

ФТМ

О. Генри

Дороги судьбы (сборник)

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=137654
Дороги судьбы (сборник): ФТМ;
ISBN 978-5-4467-2309-6*

Аннотация

Один из самых известных юмористов в мировой литературе, О. Генри создал уникальную панораму американской жизни на рубеже XIX–XX веков, в гротескных ситуациях передал контрасты и парадоксы своей эпохи, открывшей простор для людей с деловой хваткой, которых игра случая то возносит на вершину успеха, то низвергает на самое дно жизни.

«Дядя Бешрод был не последней спицей в банке Веймутс. Дядя Бешрод шестьдесят лет верно служил дому Веймутс в качестве предмета обихода, слуги и друга. Цветом он походил на краснодеревую мебель банка, так черен был он лицом; но душа его была, как нетронутые чернилами страницы банковских книг. Это сравнение чрезвычайно понравилось бы дяде Бешроду, так как он считал, что единственное учреждение в мире, достойное внимания – это банк Веймутс, где он занимал среднее положение между швейцаром и генерал-фельдмаршалом.

Местечко Веймутс, сонное и тенистое, расположилось среди холмов на склоне южной долины. В Веймутсвилле было три банка. Два из них представляли собой безнадежные, неправильно управляемые предприятия, которым недоставало участия и престижа Веймутса, чтобы придать им блеска. Третьим был банк, управляемый Веймутсами и дядей Бешродом.

В старом жилище Веймутсов – здании из красного кирпича с белым портиком, первое направо, когда вы пересекаете Эдлер, входя в город, – проживал мистер Роберт Веймутс (председатель банка), его дочь, вдова миссис Визей, которую все называли «мисс Летти», и ее двое детей: Нэн и Гью. Здесь же, в коттедже, в саду жил дядя Бешрод с теткой Мелинди, своей женой. Мистер Вилльям Веймутс (казначей банка) жил в новомодном красивом доме на главной авеню...»

Содержание

Хранитель рыцарской чести	6
Плюшевый котенок	12
Волшебный профиль	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

О. Генри

Дороги судьбы

(рассказы из авторского сборника)

Хранитель рыцарской чести ***(Перевод под ред. В. Азова)***

Дядя Бешрод был не последней спицей в банке Веймутс. Дядя Бешрод шестьдесят лет верно служил дому Веймутс в качестве предмета обихода, слуги и друга. Цветом он походил на краснодеревую мебель банка, так черен был он лицом; но душа его была, как нетронутые чернилами страницы банковских книг. Это сравнение чрезвычайно понравилось бы дяде Бешроду, так как он считал, что единственное учреждение в мире, достойное внимания – это банк Веймутс, где он занимал среднее положение между швейцаром и генерал-фельд-маршалом.

Местечко Веймутс, сонное и тенистое, расположилось среди холмов на склоне южной долины. В Веймутсвилле было три банка. Два из них представляли собой безнадежные, неправильно управляемые предприятия, которым недоставало участия и престижа Веймутса, чтобы придать им блеска. Третьим был банк, управляемый Веймутсами и дядей Бешродом.

В старом жилище Веймутсов – здании из красного кирпича с белым портиком, первое направо, когда вы пересекаете Эдлер, входя в город, – проживал мистер Роберт Веймутс (председатель банка), его дочь, вдова миссис Визей, которую все называли «мисс Летти», и ее двое детей: Нэн и Гью. Здесь же, в коттедже, в саду жил дядя Бешрод с теткой Мелинди, своей женой. Мистер Вилльям Веймутс (казначей банка) жил в новомодном красивом доме на главной авеню.

Мистер Роберт был крупным, полным человеком шестидесяти двух лет, с гладким, пухлым лицом, длинными седыми волосами и огненными синими глазами. Он был вспыльчивый, добрый и великодушный, с молодой улыбкой и грозным строгим голосом, звук которого не всегда соответствовал намерению.

М-р Вилльям был мягче характером, имел корректный вид и был всецело поглощен делами. Веймутсы считались первым семейством Веймутсвилля, на них смотрели снизу вверх; это составляло их наследственную привилегию.

Дядя Бешрод был доверенный, швейцар, посыльный, вассал и хранитель банка. У него был свой ключ от кладовой, как у мистера Роберта и мистера Вилльяма. Случалось, что на полу кладовой лежали груды мешков с десятью, пятнадцатью, двадцатью тысячами долларов серебром. Их можно было доверить дяде Бешроду. Он был настоящий Веймутс душой, честностью и гордостью.

Последнее время дядя Бешрод был не совсем спокоен. Дело касалось «массы» Роберта. Уже почти год, как мистер Роберт стал отличаться слишком большой склонностью к бутылочке... Правда, он не напивался допьяна, но привычка к выпивке уже укоренилась в нем, и все начали замечать это. Он шесть раз на дню оставлял банк и заходил в Отель Коммерсантов и Плантаторов, чтобы выпить. Обычная острота суждений и деловые способности мистера Роберта немножко пострадали. Мистер Вилльям, также Веймутс, но не обладавший таким опытом, старался затормозить неизбежный отлив клиентов, но с недостаточным успехом. Вклады банка Веймутс упали с шестизначных цифр до пятизначных. Накоплялись неоплаченные векселя, благодаря неудачным ссудам. Никому не хотелось затронуть с мисте-

ром Робертом вопрос о трезвости. Многие из его друзей утверждали, что причиной его слабости явилась потеря жены, умершей года два назад. Другие колебались из-за вспыльчивости мистера Роберта, который, безусловно, способен был принять такое вмешательство в его дела за оскорбление. Мисс Летти и дети заметили перемену и огорчились этим. Дядя Бешрод также тревожился, но он принадлежал к числу тех, которые не осмеливались протестовать, хотя он и масса Роберт выросли вместе почти на положении товарищей. Но дядю Бешрода ожидал более тяжелый удар, чем удар, нанесенный ему грогами и виски председателя банка.

У мистера Роберта была страсть к рыбной ловле, которой он предавался, когда это позволяли время года и дела. Однажды, получив какие-то известия относительно налимов и окуней, он объявил о своем намерении съездить денька на два, на три на озера. Он сказал, что отправится на Тростниковое озеро вместе с судьей Арчинардом, старым приятелем.

Дядя Бешрод был казначеем общества «Сыновья и Дочери Неопалимой Купины». Каждое общество, к которому он принадлежал, назначало его без всяких колебаний казначеем. Его имя стояло первым в негритянских кругах. Он считался среди них мистером Бешродом из банка Веймутс.

В ночь, следующую за днем, когда мистер Роберт сообщил о своей предполагаемой поездке на рыбную ловлю, старик проснулся и встал с постели в двенадцать часов; он сказал, что он должен пойти в банк и достать расчетную книжку «Сыновей и Дочерей», которую он забыл взять домой. Бухгалтер днем составил для него баланс, вложил в книжку погашенные чеки и защелкнул вокруг нее два резиновых кружка. Для других расчетных книжек полагался только один кружок.

Тетка Мелинда возражала против этого предприятия. В такой поздний час! Это бессмыслица! Но дядю Бешрода невозможно было отговорить от исполнения долга.

– Я сказал сестре Аделине Хоскинс, – ответил он, – пусть она придет за этой книжкой завтра утром в семь часов, чтобы отнести ее на собрание учредителей, и книжка должна быть здесь, когда она придет.

Итак, дядя Бешрод облекся в свой старый коричневый костюм, взял свою толстую палку орехового дерева и побрел по почти пустынным улицам Веймутсвилля. Он вошел в банк, отперев боковую дверь, и нашел расчетную книжку там, где ее оставил, – в маленькой задней комнате, служившей для частных совещаний, где он всегда вешал свое пальто. Все вещи были в том порядке, в каком он их оставлял, и дядя Бешрод собирался уже уйти домой, когда его остановил вдруг скрип ключа у главного входа. Кто-то быстро вошел, тихо затворил дверь и проник в счетную комнату через дверцу в железной решетке.

Это отделение банка соединялось с задней комнатой узким коридором, который теперь тонул в глубоком мраке.

Дядя Бешрод крепко ухватился за свою ореховую палку и стал пробираться на цыпочках по коридору, пока не увидел полуночного гостя, проникнувшего в святую святых банка Веймутс. Там горел лишь один газовый рожок, но он даже при этом мутном свете сразу распознал, что грабитель – председатель банка. Изумленный, оробевший, не зная, что ему предпринять, чернокожий старик стоял неподвижно в темном коридоре и выжидал. Напротив него была кладовая с большой железной дверью. Внутри находился сейф, содержащий ценные бумаги, золото и наличность банка. На полу кладовой находилось приблизительно тысяч восемнадцать серебром.

Председатель вынул ключ из кармана, открыл кладовую и вошел внутрь, почти закрыв за собой дверь. Дядя Бешрод видел сквозь узкое отверстие мерцанье свечи.

Минуты через две – наблюдателю показалось, что прошел целый час – мистер Роберт вышел, таща с собой большой чемодан; он обращался с ним с осторожной поспешностью, словно боялся, что его заметят. Он закрыл и запер дверь в кладовую одной рукой.

С неприятной идеей, сложившейся под его курчавыми волосами, дядя Бешрод ждал и следил, дрожа в скрывающей его тени.

Мистер Роберт осторожно поставил чемодан на конторку и поднял воротник пальто, чтобы закрыть себе шею и уши. Он был одет в грубый серый костюм, по-видимому дорожный. Он посмотрел, напряженно нахмурив брови, на большие конторские часы над зажженным газовым рожком, затем тоскливо оглядел банк, тоскливо и нежно, подумал дядя Бешрод, будто прощался с дорогой, привычной обстановкой.

Потом он снова поднял свою ношу и быстро и тихо вышел из банка тем же путем, по которому пришел, и запер за собой парадную дверь.

Дядя Бешрод стоял больше минуты, смотря ему вслед, превращенный в камень. Если бы полуночный грабитель оказался кем бы то ни было другим, старый слуга кинулся бы на него и ударил бы его, чтоб спасти имущество Веймутсов. Но теперь душа свидетеля терзалась мучительным опасением чего-то худшего, чем обыкновенное воровство. Его охватил ужас; ведь это доброе имя и честь Веймутсов должны погибнуть! Масса Роберт ограбил банк! Что иное могло тут быть? Ночной час, тайное посещение кладовой, наполненный чемодан, пронесенный им так быстро и неслышно, грубый костюм грабителя, тревожный взгляд, брошенный на часы, бесшумное исчезновение – что иное могло это означать?

Затем к тревожным мыслям дяди Бешрода присоединились подтверждающие воспоминания предыдущих событий: все растущая неводержанность мистера Роберта и, как следствие ее, частые приступы деспотических капризов и вспышек гнева; случайный разговор, слышанный им в банке по поводу застоя в делах и затруднений в собирании вкладов. Что иное могло это означать, как не то, что мистер Роберт Веймутс – растратчик и решил бежать с оставшимися фондами банка, предоставив мистеру Вильяму, мисс Летти, маленьким Нэн и Гью и дяде Бешроду нести бремя позора.

Дядя Бешрод обсуждал эти вопросы в течение минуты, потом в нем пробудилась внезапная решимость и энергия.

– Боже! Боже! – громко застонал он и поспешно заковылял к боковой двери. – Такой конец после стольких лет великих и прекрасных дел. Какое позорное зрелище для всего мира, если член семьи Веймутс окажется грабителем и растратчиком. Пора дяде Бешроду вычистить этот курятник и поставить дело на рельсы. О боже! Масса Роберт, вы этого не делаете! Мисс Летти и детки такие гордые, только и повторяют: «Веймутс, Веймутс!» на все лады. Я удержу вас, если смогу. Можно ожидать, что вы прострелите голову старому негру, если он будет вам противоречить, но я удержу вас, если смогу.

Дядя Бешрод, с помощью ореховой палки и с препятствием в виде ревматизма, поспешил вдоль улицы по направлению к железнодорожной станции, где встречались обе линии, проходившие через Веймутсвилль. Как он ожидал и боялся, он увидел там мистера Роберта, стоявшего в тени здания, в ожидании поезда. Он держал в руке чемодан. Когда дядя Бешрод подошел к председателю банка, стоявшему, как огромный серый призрак, у стены вокзала, на расстояние двадцати шагов, его охватило волнение. Ему ясно представилась опрометчивость и смелость поступка, который он хотел совершить. Он был бы счастлив повернуть назад и убежать от взрыва пресловутого гнева Веймутсов. Но он снова увидел в своем воображении бледное, укоризненное лицо мисс Летти и горестные взгляды Нэн и Гью. Что же он скажет им, если он не исполнит своего долга? Он, который обязан защищать их?

Подстрекаемый этой мыслью, он пошел по прямой линии, покашливая и постукивая палкой, чтоб его скорей узнали. Таким образом он избегнет грозившей ему опасности неожиданно испугать запальчивого мистера Роберта.

– Это вы, Бешрод? – прозвучал резкий, звонкий голос серого призрака.

– Да, сэр, масса Роберт.

– Какого черта вы шляетесь по ночам?

В первый раз в своей жизни дядя Бешрод солгал массе Роберту. Он не мог избежать этого. Ему придется выкручиваться. Его нервы не выдержат прямого нападения.

– Я пошел, сэр, навестить старую тетку Марию Паттерсон. Она заболела ночью, и я отнес ей бутылку лекарства от Мелинды. Да, сэр.

– Вот как! – сказал Роберт. – Идите лучше домой, не бродите по ночному воздуху. Теперь сыро. Вы завтра будете ни к черту не годны из-за вашего ревматизма. Думается, будет ясный день, Бешрод.

– Полагаю, что будет, сэр. Солнце было багровое при закате нынче вечером.

Мистер Роберт зажег в темноте сигару; дым казался серым призраком, исчезающим и растворяющимся в ночном воздухе. Язык у дяди Бешрода не повиновался ему, отказываясь затронуть страшную тему. Дядя Бешрод стоял на гравии, неловкий, неуклюжий, ковыряя своей палкой песок.

Но тут он услышал вдалеке, на расстоянии трех миль – у стрелки Джимтоуна – свисток приближающегося поезда, того поезда, которому суждено было унести имя Веймутсов в страну бесчестия и позора. Страх покинул его. Он снял шляпу и повернулся к вождю клана, которому он служил, к великому, царственному, добросердечному, надменному, страшному Веймутсу. Он остановил его на границе ужасного деяния, которое должно было совершиться.

– Масса Роберт, – начал он голосом, слегка дрожавшим от напора чувств. – Вы помните день, когда был конкурс верховой езды в Дубовой Долине? Тот день, сэр, когда вы взяли первый приз и увенчали мисс Люси королевой?

– Конкурс? – сказал мистер Роберт, вынимая сигару изо рта. – Да, я отлично помню, но какого черта вы здесь, в полночь, толкуете о конкурсах? Ступайте домой, Бешрод. Никак вы стали лунатиком?

– Мисс Люси коснулась вашего плеча саблей, – продолжал старик, не обращая на него внимания, – и сказала: «Я посвящаю вас в рыцари, сэр Роберт. Встаньте, непорочный, без страха и упрека». Это сказала мисс Люси. Это было очень давно, но мы с вами этого не забыли. И другую минуту мы также не забыли, – ту минуту, когда мисс Люси лежала на смертном одре. Она послала за дядей Бешродом и сказала: «Дядя Бешрод, когда я умру, обещайте хорошенько заботиться о мистере Роберте. Мне кажется, – так сказала мисс Люси, – он больше слушается вас, чем всех других. Он иногда бывает очень раздражительный и, может быть, выругает вас, если вы начнете его убеждать, но он должен иметь около себя человека, понимающего его. Он иногда точно ребенок». – Это сказала мисс Люси, и глаза ее сияли на ее жалком и исхудалом лице, «но он всегда был – это ее слова – моим рыцарем, непорочным, без страха и упрека».

Мистер Роберт пытался, по своей привычке, замаскировать поддельным гневом прилив чувствительности.

– Вы... вы старый пустомеля! – ворчал он сквозь облака клубившегося сигарного дыма. – Никак вы рехнулись? Я велел вам отправиться домой, Бешрод. Мисс Люси сказала это, вот как? Что делать, мы не сумели сохранить щит незапятнанным. Два года минуло на прошлой неделе, как она умерла, не так ли, Бешрод? Провались все! Вы всю ночь собираетесь здесь стоять и гоготать, как гусак кофейного цвета?

Поезд снова дал свисток. Он был теперь у водокачки, на расстоянии одной мили.

– Масса Роберт, – сказал дядя Бешрод, положив руку на чемодан, который держал банкир. – Бога ради, не берите это с собой. Я знаю, что там находится. Я знаю, где вы это взяли. Не берите это с собой. В этом чемодане большое горе для мисс Люси и для деток дочери мисс Люси. Из-за этого погибнет имя Веймутсов, и тем, кто его носит, придется склонить голову под бременем позора и отчаяния. Масса Роберт, вы можете убить старого негра, если захотите, но не берите с собой чемодана. Если я когда-нибудь переплыву Иордан, что мне

сказать мисс Люси, когда она спросит меня: «Дядя Бешрод, почему вы не заботились хорошенько о мистере Роберте?»

Мистер Роберт бросил свою сигару и высвободил одну руку своеобразным жестом, который у него всегда предшествовал взрыву гнева. Дядя Бешрод наклонил голову перед ожидаемой бурей, но не отступил. Если дому Веймутсов суждено погибнуть, он погибнет вместе с ним. Банкир заговорил, и дядя Бешрод замигал глазами от удивления. Буря наступила, но утихнувшая до безмятежности летнего ветерка.

– Бешрод, – сказал мистер Роберт, более тихим голосом, чем всегда, – вы перешли все границы. Вы злоупотребили снисходительностью, с которой к вам относились, чтоб непростительно вмешаться не в свое дело. Так, значит, вам известно, что в этом чемодане? Ваша продолжительная и верная служба является некоторым извинением для вас. Но ступайте домой, Бешрод, и ни слова больше!

Но Бешрод схватил чемодан более твердой рукой. Фонарь на локомотиве освещал теперь мрак вокруг вокзала. Шум увеличивался, и люди зашевелились около полотна.

– Масса Роберт, отдайте мне ваш чемодан. Я имею право, сэр, так говорить с вами. Я работал на вас и служил вам с детских лет. Я проделал войну в качестве вашего денщика, пока мы не вздули янки и не отправили их обратно на Север. Я присутствовал на вашей свадьбе и был не особенно далек, когда родилась мисс Летти. А детки мисс Летти, они теперь всегда поджидают дядю Бешрода, когда он возвращается вечером домой. Я был Веймутсом, за исключением цвета кожи и титулов. Мы оба – старики, масса Роберт. Теперь уже недолго ждать той поры, когда мы увидимся с мисс Люси и нам придется дать отчет в наших делах. От старого негра многого не ждут; достаточно, если он скажет, что сделал все, что мог, для семейства, которому принадлежал. Но Веймутсы – они должны сказать, что жили непорочно, без страха и упрека. Отдайте мне этот чемодан, масса Роберт, – я его возьму. Я снесу его обратно в банк и запру его в кладовую. Я сделаю, как приказала мисс Люси. Отпустите чемодан, масса Роберт.

Поезд стоял у станции. Несколько человек толкали тележки по платформе. Два-три сонных пассажира вышли из поезда и побрели в темноту. Кондуктор спустился на гравий, взмахнул фонарем и закричал: «Алло! Франк!» кому-то невидимому. Раздался звонок, тормоза зашипели, кондуктор завопил: «Все в вагоны!»

Мистер Роберт выпустил чемодан из рук. Дядя Бешрод прижал его к груди обеими руками, как влюбленный обнимает свою первую любовь.

– Возьмите его с собой, Бешрод! – сказал мистер Роберт, пряча руки в карманы. – И пусть с этим вопросом будет покончено – слышите! Вы достаточно наговорили. Я поеду с этим поездом. Скажите мистеру Вильяму, что я вернусь в субботу. Спокойной ночи!

Банкир взошел на ступеньки вагона и скрылся в купе. Дядя Бешрод стоял неподвижно, все еще обнимая драгоценный чемодан. Его глаза были закрыты, а губы шевелились, шепча благодарность небесному отцу за спасение чести Веймутсов. Он знал, что мистер Роберт вернется, как сказал. Веймутсы никогда не лгут. И теперь, слава Богу, никто не сможет сказать, что они растрачивают деньги банка.

И старик устремился со спасенным чемоданом в банк.

В трех часах от Веймутсвилля мистер Роберт вышел в сером предрассветном тумане на одиноком полустанке. Он смутно разглядел фигуру человека, ожидавшего на платформе, и очертания рессорной коляски, пары лошадей и кучера. Полдюжины длинных бамбуковых рыболовных удочек торчали позади коляски.

– Приехал, Боб? – сказал судья Аргинард, старый приятель и школьный товарищ мистера Роберта. – Будет великолепный день для рыбной ловли. Мне кажется, ты говорил... Отчего ты не захватил с собой это самое?

Председатель банка Веймутс снял шляпу и взъерошил свои седые кудри.

– Вот что, Бен, сказать тебе правду, чертовски самонадеянный старый негр, принадлежащий моей семье, расстроил все дело. Он явился на вокзал и наложил свое «veto» на все предприятие. Он желает мне добра, и, я должен признаться, что он прав. Он каким-то образом проведаль, что я замышлял, хотя я все проделал в банке и протащил это в полночь. Полагаю, он заметил, что я позволяю себе немного больше, чем подобает джентльмену, и явился ко мне с несколькими вескими аргументами.

– Я брошу пить, – сказал мистер Роберт в заключение, – я пришел к убеждению, что человек не может предаваться этому и оставаться вполне тем, чем желает быть: непорочным, без страха и упрека.

– Что ж, приходится согласиться, – задумчиво сказал судья, когда они влезли в коляску, – против аргумента старого негра, по совести, ничего не попишешь.

– Все же, – сказал мистер Роберт со слабым отголоском вздоха, – в этом чемодане были две кварты самого лучшего, старого, бархатного виски, каким нам когда-либо приходилось промочить горло.

Плюшевый котенок **(Перевод под ред. В. Азова)**

Зрелище современных финансовых калифов, разгуливающих по Багдаду над Подземкой и старающихся облегчить нужду населения, способно заставить великого аль-Рашида перевернуться Гаруном в гробу. Если же нет, то его заставит произвести эту кувыррколлегию наша острота, ибо настоящий калиф был остроумным человеком и ученым и, следовательно, ненавидел каламбуры.

Как наилучшим образом облегчить заботы бедных – составляет одну из самых тяжелых забот богачей. Но все профессиональные филантропы сходятся в одном, а именно – что вы никогда не должны давать вашему объекту наличных денег.

Известно, что бедняки обладают колоссальным темпераментом, и, когда к ним попадают наличные деньги, они проявляют сильную тенденцию истратить их на фаршированные оливки или на увеличенные карандашные портреты с фотографий, вместо того чтобы внести их в уплату за взятую в рассрочку швейную машину.

Все же у старого Гаруна, как у благотворителя, были свои преимущества. Он брал с собой в обход своего визиря, Джаффара (визирь представляет из себя соединение шофера, государственного секретаря и банка, открытого денно и нощно) и старого дядьку Месрура, своего палача.

С такой свитой путешествие калифа вряд ли могло потерпеть неудачу. Заметили ли вы в последнее время статьи в газетах под заглавием: «Что нам делать с нашими экс-президентами?» Теперь вообразите себе, что Карнеги пригласит «Его» и Джо Генса обходить с ним города и помогать ему в распределении бесплатных библиотек? Как вы думаете, хватило ли бы у какого-нибудь города смелости отказаться от библиотеки? При этой комбинации две библиотеки выросли бы там, где до сих пор имелся только один комплект сочинений Е. П. Рос.

Но, как я уже говорил, финансовые калифы убеждены, что на земле не существует горя, которое не могли бы исцелить деньги, и они полагаются исключительно на них. Аль-Рашид творил правосудие, награждал достойных и карал тут же на месте тех, кто ему не нравился. Он был основателем конкурса коротких рассказов. Каждый раз, когда он спасал на базаре какого-нибудь бродягу, он заставлял спасенного поведать ему грустную повесть своей жизни. Если рассказу недоставало правильного построения, стиля и остроумия, он приказывал визирю выдать автору пару тысяч ассигнаций Национального Босфорского Банка или предоставить ему теплое место императорского хранителя канареечного семени. Если рассказ оказывался враньем, калиф приказывал Месруру, палачу, отсечь рассказчику голову. Слух, что Гарун аль-Рашид еще жив и издает журнал, на который подписывалась ваша бабушка, не находит подтверждения.

Теперь начнется рассказ о миллионере, бесполезном приращении капитала и младенцах, заблудившихся в лесу, но спасенных из оного.

Молодой Говард Пилкинс, миллионер, заработал свои деньги орнитологическим путем. Он был тонким знатоком аистов и явился на свет в нижнем этаже резиденции своих ближайших предков, богатых пивоваров Пилкинс. Его мать была участницей в деле. Старик Пилкинс скончался от печени, а миссис Пилкинс от фургонов для развозки пива, и остался один молодой Говард Пилкинс, обладатель 4 000 000 дол. и при этом славный малый. Это был приятный, умеренно заносчивый молодой человек, который непоколебимо верил, что за деньги можно купить все блага мира. И Багдад над Подземкой долгое время делал все возможное, чтоб поддержать в нем эту уверенность.

Но в конце концов он попал в мышеловку; он услышал, как защелкнулась пружина, и сердце его оказалось в проволочной клетке, где перед ним висел кусочек сыра; а звали ее Алисой фон дер Рюислинг.

Вы не получите описания Алисы ф. д. Р. Постарайтесь вызвать в памяти образ вашей собственной Мэгги, Веры или Беатрисы, выпрямите ей нос, смягчите ее голос, опустите ее тоном ниже, затем поднимите тоном выше, сделайте ее прекрасной и недостижимой, – и вы получите слабый оттиск Алисы. Ф. д. Рюислинги обладали крошившимся кирпичным домом, кучером и лошастью, такой старой, что она предъявляла права на принадлежность к роду периссодактилей и имела пальцы вместо копыт. В 1898 году Рюислингам пришлось приобрести новую сбрую для периссодактиля. Перед тем, как пользоваться ей, Джозефу, кучеру, велели смазать ее смесью золы и сажи.

Это семейство фон дер Рюислинг купило в 1649 году у индейского вождя участок земли между Сауэри и Восточной рекой, улицей Ривингтон и статуей Свободы, за кусок бахромы и пару красных турецких портьер. Я всегда восхищался прозорливостью этого индейца и его хорошим вкусом. Все это говорится, чтобы убедить вас, что фон дер Рюислинги всецело принадлежали к тому сорту бедных аристократов, которые воруют нос от людей, имеющих деньги. Я не то хотел сказать; я подразумевал людей, у которых «только» деньги.

Однажды вечером Пилкинс отправился в красный дом в Грамерси сквере и, как ему казалось, сделал Алисе ф. д. Р. предложение. Алиса, отвернув нос и думая о его деньгах, приняла это за предложение сделки и отказалась. Пилкинс, пустив в ход, подобно хорошему полководцу, все свои ресурсы, сделал неделикатный намек на все преимущества, которые могут дать его деньги. Это решило вопрос. Алиса окружила себя таким льдом, что даже Вальтер Вельман подождал бы до весны, чтоб сделать на нее набег в санях, запряженных собаками.

Но Пилкинс был и сам спортсменом.

– Если вы когда-нибудь почувствуете желание, – сказал он Алисе, – еще раз обдумать ваш ответ, пришлите мне вот такую розу.

Пилкинс смело коснулся рукой розы жакемино, которая была свободно воткнута в прическу Алисы.

– Отлично, – сказала она, – и, если я это сделаю, вы поймете, что один из нас научился чему-то новому в вопросе о покупательной способности денег. Вас испортили, мой друг. Нет, не думаю, чтобы я могла выйти за вас замуж. Я вам верну завтра подарки, полученные мною от вас.

– Подарки? – с удивлением сказал Пилкинс. – Я никогда в жизни не делал вам подарков. Я хотел бы видеть портрет во весь рост того мужчины, от которого вы приняли бы подарок. Помилуйте, вы ни разу не позволили мне послать вам цветы, конфеты или даже раскрашенный календарь.

– Вы забыли, – с легкой улыбкой сказала Алиса ф. д. Р. – Это было давно, когда наши семьи жили по соседству. Вам было семь лет; я нянчила свою куклу на тротуаре. Вы подарили мне маленького серого плюшевого котенка, с пуговками от ботинок вместо глаз. Голова у него открывалась, и он был наполнен внутри леденцами. Вы заплатили за него пять центов. Вы так мне сказали. Я не могу вернуть вам леденцы: в три года у меня не развилось еще чувство порядочности, и я их съела. Но котенок у меня сохранился до сих пор. Я его аккуратно заверну сегодня вечером и завтра отошлю вам.

Под легким тоном Алисы ясно и твердо выступало упорство ее отказа. Пилкинсу ничего не оставалось делать, как только выйти из крошившегося красного дома и удалиться со своими ненавистными миллионами.

Пилкинс прошел на обратном пути через Мэдисон-сквер. Часовая стрелка на часах близилась к восьми; в воздухе был резкий холодок, но еще не замерзло. Темный маленький

сквер казался холодной комнатой без крыши, с четырьмя стенами домов, озаренных тысячами слишком слабых огней. Только несколько бродяг расположились кое-где на скамейках.

Пилкинс неожиданно набрел на юношу, который храбро сидел без пиджака, словно бросая вызов летнему зною; белые рукава его рубашки резко выделялись при свете электрического фонаря. Рядом с ним сидела девушка, улыбающаяся, мечтательная, счастливая. На плечи ее был накинут пиджак – очевидно, юноши, презиравшего холод. Они представляли из себя современную редакцию младенцев, заблудившихся в лесу, просмотренную и заново переделанную; только птички еще не подросли к ним и не укрыли их листьями, как в первоначальной редакции этой сказки.

Финансовые калифы любят такие ситуации: ведь тут так легко сотворить благо.

Пилкинс сел на скамейку недалеко от юноши. Он взглянул на него украдкой и заметил (как мужчины всегда замечают, а женщины, увы! не умеют замечать), что они принадлежали к одному общественному кругу.

Спустя некоторое время Пилкинс наклонился к юноше и заговорил с ним; он ответил вежливо, с улыбкой. С отвлеченных предметов беседа перешла на подводные камни личностей. Но Пилкинс проявил здесь всю деликатность и сердечность, на которые только способен калиф. А когда они добрались до главного вопроса, юноша обратился к нему мягким голосом, с неизменной улыбкой.

– Я не хочу показаться вам неблагодарным, старина, – сказал он с юношеской, слишком быстрой, фамильярностью, – но, видите ли, я не могу принять ничего от незнакомого. Я знаю, вы порядочный человек, и я вам адски благодарен, но я не считаю возможным взять в долг у кого бы то ни было. Видите ли, я Маркус Клейтон, из Клейтонов из графства Роанока, в Виргинии, вы знаете. Эта молодая дама – мисс Ева Бедфорд, – полагаю, что вы слышали о Бедфордах. Ей семнадцать лет, и она принадлежит к Бедфордам из графства Бедфорд. Мы убежали из дому, чтоб повенчаться, и мы хотели посмотреть Нью-Йорк. Мы приехали сегодня днем. На пароме кто-то вытащил у меня бумажник, и у меня в кармане только три цента. Я завтра найду где-нибудь работу, и мы повенчаемся.

– Но послушайте, старина, – ответил Пилкинс тихим, конфиденциальным голосом, – вы не можете продержаться здесь даму в холоде всю ночь. Что касается отелей...

– Я уже сообщил вам, – сказал юноша, улыбаясь еще шире, – что у меня в кармане только три цента. Кроме того, будь у меня тысяча, нам все равно пришлось бы прождать здесь до утра. Это вы, конечно, поймете. Я очень вам обязан, но не могу принять от вас денег. Мы с мисс Бедфорд привыкли жить на свежем воздухе и не боимся холода. Я завтра найду какую-нибудь работу. У нас есть пакетик с пирожными и шоколадом; мы отлично обойдемся.

– Послушайте, – внушительно сказал миллионер. Моя фамилия Пилкинс, и у меня состояние в несколько миллионов долларов. У меня сейчас случайно в кармане долларов восемьсот-девятьсот наличными. Не думаете ли вы, что вы пересаливаете, отказываясь принять от меня сумму, которая помогла бы вам и этой молодой даме комфортабельно устроиться, хотя бы на эту ночь?

– Никак не могу согласиться с вами, – сказал Клейтон из графства Роанока. – Меня воспитали с иными взглядами. Но я все-таки страшно вам благодарен.

– Значит, вы заставляете меня пожелать вам доброй ночи? – сказал миллионер.

Уже во второй раз в этот день его деньгами пренебрегли простые души, для которых его доллары являлись словно костяными фишками. Пилкинс не поклонялся ни золоту, ни кредиткам, но он всегда верил в их почти неограниченную покупательную силу.

Пилкинс быстро удалился, затем вдруг повернул обратно и вернулся к скамейке, где сидела молодая пара. Он снял шляпу и начал говорить. Девушка смотрела на него с тем же живым, пламенным интересом, которым она достаивала освещение, статуи и небо-

скребы, все, что заставляло старинный сквер казаться таким далеким от Бедфордского графства.

— Мистер... эээ... Роанока... — сказал Пилкинс, — я так восхищаюсь вашей независим... вашим идиотизмом, что я решаюсь обратиться к вашим рыцарским чувствам. Я полагаю, что вы, южане, считаете рыцарством держать даму на скамейке, в саду, холодной ночью, только для того, чтобы не уронить вашей отжившей гордости. Вот в чем дело: у меня есть приятельница — дама, которую я знал всю свою жизнь, — она живет в нескольких кварталах отсюда, конечно, с родителями, сестрами и тетками и тому подобными гарантиями. Я уверен, что эта дама будет очень довольна и счастлива перенести, то есть я хочу сказать... если мисс... эээ... Бедфорд доставит ей удовольствие быть ее гостьей на эту ночь. Вы не думаете, мистер Роанак из... эээ... Виргинии, что вы можете настолько поступиться вашими предубеждениями?

Клейтон из Роанака встал и протянул руку.

— Старина, — сказал он, — мисс Бедфорд с удовольствием воспользуется гостеприимством дамы, о которой вы говорите.

Он официально представил мистера Пилкинса мисс Бедфорд. Девушка ласково и благодушно взглянула на него.

— Прелестный вечер, мистер Пилкинс, вы не находите? — медленно сказала она.

Пилкинс привел их в крошившийся красный кирпичный дом фон дер Рюислингов. Его визитная карточка вызвала удивленную Алису вниз. Беглецов отправили в гостиную, пока Пилкинс в холле рассказывал Алисе, в чем дело.

— Конечно, я приму ее, — сказала Алиса. — Не правда ли, у этих южанок чрезвычайно благовоспитанный вид?.. Конечно, пусть остается здесь. Вы, понятно, позаботитесь о мистере Клейтоне?

— Еще бы! — сказал Пилкинс с восторгом. — О, да! Я о нем позабочусь! Как гражданин Нью-Йорка и вследствие этого пайщик его общественных садов, я предложу ему на эту ночь гостеприимство Мэдисон-сквера. Он собирается просидеть там на скамейке до утра. Его не переспоришь. Разве он не чудесный? Я рад, что вы позаботитесь о маленькой барышне, Алиса. Уверяю вас, благодаря этим младенцам в лесу, Биржа и Английский банк показались мне игрушечными домиками.

Мисс фон дер Рюислинг повела мисс Бедфорд из Бедфордского графства в верхние покои. Спустившись вниз, она сунула Пилкинсу в руку маленькую овальную картонную коробочку.

— Ваш подарок, — сказала она. — Я возвращаю его вам.

— О да, помню! — сказал Пилкинс со вздохом. — Плюшевый котенок.

Он покинул Клейтона на скамейке парка и обменялся с ним сердечным рукопожатием.

— Когда я достану работу, — сказал юноша, — я зайду к вам. Ваш адрес на вашей визитной карточке, не так ли? Благодарю вас. Итак, спокойной ночи. Я ужасно благодарен вам за вашу любезность. Нет, благодарю вас, я не курю. Доброй ночи.

Пилкинс в своей комнате открыл коробку и вынул удивленного смешного котенка, давно уже лишённого своих леденцов и потерявшего один глаз-пуговку. Пилкинс грустно взглянул на него.

— В конце концов, — сказал он, — я не верю, что только одни деньги...

Но тут у него вырвалось радостное восклицание, и он вытащил со дна коробки нечто, служившее подушкой котенку, — смятую, но алую, алую, благоухающую, великолепную многообещающую розу жакемино.

Волшебный профиль (Перевод Нины Дарузес)

Калифов женского пола немного. По праву рождения, по склонности, инстинкту и устройству своих голосовых связок все женщины – Шехерезады. Каждый день сотни тысяч Шехерезад рассказывают тысячу и одну сказку своим султанам. Но тем из них, которые не остерегутся, достанется в конце концов шелковый шнурок.

Мне, однако, довелось услышать сказку об одной такой султанше. Сказка эта не вполне арабская, потому что в нее введена Золушка, которая орудовала кухонным полотенцем совсем в другую эпоху и в другой стране. Итак, если вы не против смешения времен и стран, то мы приступим к делу.

В Нью-Йорке есть одна старая-престарая гостиница. Гравюры с нее вы видели в журналах. Ее построили – позвольте-ка – еще в то время, когда к северу от Четырнадцатой улицы не было ровно ничего, кроме индейской тропы на Бостон да конторы Гаммерштейна¹. Скоро старую гостиницу снесут. И в то время, когда начнут ломать массивные стены и с грохотом посыплются кирпичи по желобам, на соседних углах соберутся толпы жителей, оплакивая разрушение дорогого им памятника старины. Гражданские чувства сильны в Новом Багдаде; а пуще всех будет лить слезы и громче всех будет поносить иконоборцев тот гражданин (родом из Терри-Хот), который умиленно хранит единственное воспоминание о гостинице – как в 1873 году его там вытолкали в шею, с трудом оторвав от стойки с бесплатной закуской.

В этом отеле всегда останавливалась миссис Мэгги Браун. Миссис Браун была костлявая женщина, лет шестидесяти, в порыжелом черном платье и с сумочкой из кожи того допотопного животного, которое Адам решил назвать аллигатором. Она всегда занимала в гостинице маленькую приемную и спальню на самом верху, ценою два доллара в день. И все время, пока она жила там, к ней толпами бегали просители, остроносые, с тревожным взглядом, вечно куда-то спешившие. Ибо Мэгги Браун занимала третье место среди капиталисток всего мира, а эти беспокойные господа были всего-навсего городские маклеры и дельцы, стремившиеся сделать небольшой заем миллионов этак в десять у старухи с доисторической сумочкой.

Стенографисткой и машинисткой в отеле «Акрополь» (ну, вот я и проговорился!) была мисс Ида Бэйтс. Она казалась слепком с античных образцов. Ее красота была совершенна. Кто-то из галантных стариков, желая выразить свое уважение даме, сказал так: «Любовь к ней равнялась гуманитарному образованию»². Так вот, один только взгляд на прическу и аккуратную белую блузку мисс Бэйтс равнялся полному курсу заочного обучения по любому предмету. Иногда она кое-что переписывала для меня, и поскольку она отказывалась брать деньги вперед, то привыкла считать меня чем-то вроде друга и протеже. Она была неизменно ласкова и добродушна, и даже комми по сбыту свинцовых белил или торговец мехами не посмел бы в ее присутствии выйти из границ благопристойности. Весь штат «Акрополя» мгновенно встал бы на ее защиту, начиная с хозяина, жившего в Вене, и кончая старшим портье, вот уже шестнадцать лет прикованным к постели.

Как-то днем, проходя мимо машинописного святилища мисс Бэйтс, я увидел на ее месте черноволосое существо – без сомнения, одушевленное, – стучавшее указательными пальцами по клавишам. Размышляя о превратности всего земного, я прошел мимо. На следующий день я уехал отдыхать и пробыл в отъезде две недели. По возвращении я заглянул

¹ Оскар Гаммерштейн – известный антрепренер и владелец оперных театров в Нью-Йорке.

² Часто цитируемая фраза из очерка английского писателя XVIII века Ричарда Стиля.

в вестибюль «Акрополя» и не без сердечного трепета увидел, что мисс Бэйтс, по-прежнему классически безупречная и благожелательная, накрывает чехлом свою машинку. Рабочий день кончился, но она пригласила меня присесть на минутку на стул для клиентов. Мисс Бэйтс объяснила свое отсутствие, а также и возвращение в отель «Акрополь» следующим или приблизительно таким образом:

– Ну, дорогой мой, каково пишется?

– Ничего себе, – ответил я. – Почти так же, как печатается.

– Сочувствую вам, – сказала она. – Хорошая машинка – это для рассказа самое главное. Вы меня вспоминали ведь, верно?

– Я не знаю никого, – ответил я, – кто умел бы лучше вас поставить на место запятые и постояльцев в гостинице. Но вы ведь тоже уезжали. Я видел за вашим «Ремингтоном» какую-то пачку жевательной резинки.

– Я и собиралась вам про это рассказать, да вы меня прервали, – сказала мисс Бэйтс. – Вы, конечно, слышали про Мэгги Браун, которая здесь останавливается. Так вот, она стоит сорок миллионов долларов. Живет она в Джерси в десятидолларовой квартирке. У нее всегда больше наличных, чем у десяти кандидатов в вице-президенты. Не знаю, где она держит деньги, может быть, в чулке, знаю только, что она очень популярна в той части города, где поклоняются золотому тельцу.

Так вот, недели две тому назад миссис Браун останавливается в дверях и глазеет на меня минут десять. Я сижу к ней боком и переписываю под копирку проспект медных разработок для одного симпатичного старичка из Тонопы. Но я всегда вижу, что делается кругом. Когда у меня срочная работа, мне все видно сквозь боковые гребенки, а не то я оставляю незастегнутой одну пуговицу на спине, и тогда вижу, кто стоит сзади. Я даже не оглянулась, потому что зарабатываю долларов восемнадцать-двадцать в неделю и ничего другого мне не нужно.

В тот вечер она к концу работы присылает за мной и просит зайти к ней в номер. Я было думала, что придется перепечатывать страниц двадцать долговых расписок, залоговых квитанций и договоров и получить центов десять чаевых, но все-таки пошла. Ну, дорогой мой, и удивилась же я. Мэгги Браун вдруг заговорила по-человечески.

– Детка, – говорит она, – красивее вас я никого за всю свою жизнь не видала. Я хочу, чтобы вы бросили работу и перешли жить ко мне. У меня нет никого на свете, – говорит, – кроме мужа да одного-двух сыновей, и я ни с кем из них не поддерживаю отношений. Они своим транжирством только обременяют трудящуюся женщину. Я хочу взять вас в дочки. Говорят, будто бы я скупая и корыстная, а в газетах печатают враки, будто бы я сама на себя готовлю и стираю. Это вранье, – продолжает она. – Я всю стирку отдаю на сторону, кроме разве носовых платков, чулок да нижних юбок и воротничков и разной мелочи в этом роде. У меня сорок миллионов долларов наличными деньгами, в бумагах и облигациях, таких же верных, как привилегированные «Стандард Ойл» на церковной ярмарке. Я одинокая старая женщина и нуждаюсь в близком человеке. Вы самое красивое создание, какое я в жизни видала, – говорит она. – Хотите вы перебраться ко мне? Вот увидят тогда, умею я тратить деньги или нет, – говорит она.

Ну, милый мой, что же мне было делать? Конечно, я не устояла. Да и, сказать вам по правде, я тоже начала привязываться к миссис Браун. Вовсе не из-за сорока миллионов и не ради того, что она могла для меня сделать. Я ведь тоже была совсем одна на свете. Всякому хочется иметь кого-нибудь, кому можно было бы рассказать про боли в левом плече и про то, как быстро изнашиваются лакированные туфли, когда на них появятся трещинки. А ведь не станешь про это говорить с мужчинами, которых встречаешь в гостиницах, – они только того и ждут.

И вот я бросила работу в гостинице и переехала к миссис Браун. Не знаю уж, чем я ей так понравилась. Она глядела на меня по полчаса, когда я сидела и читала что-нибудь или просматривала журналы.

Как-то я и говорю ей:

– Может, я вам напоминаю покойную родственницу или подругу детства, миссис Браун? Я заметила, что иногда вы так и едите меня глазами.

– Лицо у вас, – говорит она, – точь-в-точь такое, как у моего дорогого друга, лучшего друга, какой у меня был. Но я вас люблю и ради вас самой, деточка, – говорит она.

– И как вы думаете, мой милый, что она сделала? Расшиблась в прах, как волна на пляже Кони-Айленда. Она отвезла меня к модной портнихе и велела одеть меня с ног до головы *a la carte* – за деньгами дело не станет. Заказ был срочный, и мадам заперла парадную дверь и усадила весь свой штат за работу.

Потом мы переехали – куда бы вы думали? Нет, отгадайте. Вот это верно – в отель «Бонтон». Мы заняли номер в шесть комнат, и это стоило нам сто долларов в день. Я сама видела счет. Тут я и начала привязываться к старушке.

А потом, когда мне стали привозить платье за платьем – о! вам я про них рассказывать не стану, вы все равно ничего не поймете. А я начала звать ее тетей Мэгги. Вы, конечно, читали про Золушку. Так вот, радость Золушки в ту минуту, когда принц надевал ей на ногу туфельку тридцать первый номер, даже и сравниться не может с тем, что я тогда чувствовала. Передо мной она была просто неудачница.

Потом тетя Мэгги сказала, что хочет закатить для моего первого выезда банкет в отеле «Бонтон» – такой, чтобы съехались все старые голландские фамилии с Пятой авеню.

– Я ведь выезжала и раньше, тетя Мэгги, – говорю я. – Но можно начать снова. Только, знаете ли, – говорю, – ведь это самый шикарный отель в городе. И знаете ли, вы уж меня извините, но очень трудно собрать всю эту аристократию вместе, если вы раньше не пробовали.

– Не беспокойтесь, деточка, – говорит тетя Мэгги. – Я не рассылаю приглашений, а отдаю приказ. У меня будет пятьдесят человек гостей, которых не заманишь вместе ни на какой прием, разве только к королю Эдуарду или к Уильяму Треверсу Джерому³. Это, конечно, мужчины, и все они мне должны или собираются занять. Жены приедут не все, но очень многие явятся.

Да, хотелось бы мне, чтоб и вы присутствовали на этом банкете. Обеденный сервиз был весь из золота и хрусталя. Собралось человек сорок мужчин и восемь дам, кроме нас с тетей Мэгги. Вы бы не узнали третьей капиталистки во всем мире. На ней было новое черное шелковое платье с таким множеством бисера, что он стучал, словно град по крыше – мне это пришлось слышать, когда я ночевала в грозу у одной подруги в студии на самом верхнем этаже.

А мое платье! – слушайте, мой милый, я для вас даром тратить слова не намерена. Оно было все сплошь из кружев ручной работы – там, где вообще что-нибудь было, – и обошлось в триста долларов. Я сама видела счет. Мужчины были все лысые или с седыми баками и все время перебрасывались остроумными репликами насчет трехпроцентных бумаг, Брайана и видов на урожай хлопка.

Слева от меня сидел какой-то банкир или что-нибудь вроде, судя по разговору, а справа – молодой человек, который сказал, что он газетный художник. Он был единственный... вот про это я и хотела вам рассказать.

³ У. Т. Джером – американский юрист, известный своей борьбой против политической коррупции в Нью-Йорке. Одно время был окружным прокурором США.

После обеда мы с миссис Браун пошли к себе наверх. Нам пришлось протискиваться сквозь толпу репортеров, заполонивших вестибюль и коридоры. Вот это деньги для вас могут сделать. Скажите, вы не знаете случайно одного газетного художника по фамилии Латроп – такой высокий, красивые глаза, интересный в разговоре? Нет, не помню, в какой газете он работает. Ну, ладно.

Пришли мы наверх, и миссис Браун позвонила, чтоб ей немедленно подали счет. Счет прислали – он был на шестьсот долларов. Я сама видела. Тетя Мэгги упала в обморок. Я уложила ее на софу и растегнула бисерный панцирь.

– Деточка, – говорит она, возвратившись к жизни, – что это было? Повысили квартирную плату или ввели подоходный налог?

– Так, небольшой обед, – говорю я. – Не о чем беспокоиться, это же капля в денежном море. Сядьте и придите в себя – можно и выехать, если ничего другого не остается.

И как вы думаете, мой милый, что случилось с тетей Мэгги? Она струсила. Скорей увезла меня из этого отеля «Бонтон», едва дождавшись девяти часов утра. Мы переехали в меблирашки в нижнем конце Вест-Сайда. Она сняла одну комнату, где вода была этажом ниже, а свет – этажом выше. После того как мы переехали, у нас в комнате только и было что модных платьев на полторы тысячи долларов да газовая плита с одной конфоркой. Тетя Мэгги переживала острый приступ скупости. Я думаю, каждому случается разойтись вовсю хоть единожды в жизни. Мужчина швыряет деньги на выпивку, а женщина сходит с ума из-за тряпок. Но при сорока миллионах, знаете ли! Хотела бы я видеть такую картину – кстати, о картинах, не встречали ли вы газетного художника по фамилии Латроп, такой высокий – ах да, я уже спрашивала у вас, правда? Он был очень внимателен ко мне за обедом. У него такой голос! Мне нравится. Он, должно быть, подумал, что тетя Мэгги завещает мне сколько-нибудь из своих миллионов.

Так вот, мой милый, через три дня это облегченное домашнее хозяйство надоело мне до смерти. Тетя Мэгги была все так же ласкова. Она просто глаз с меня не сводила. Но позвольте мне сказать вам, это была такая скряга, просто скряга из скряг, всем скрягам скряга. Она твердо решила не тратить больше семидесяти пяти центов в день. Мы готовили себе обед в комнате. И вот я, имея на тысячу долларов самых модных платьев, выделявала всякие фокусы на газовой плите с одной конфоркой.

Повторяю, на третий день я сбежала. У меня в голове не вязалось, как это можно готовить на пятнадцать центов тушеных почек в стопятидесятидолларовом домашнем платье со вставкой из валансьенских кружев. И вот я иду за шкаф и переодеваюсь в самое дешевое платье из тех, что миссис Браун мне купила, – вот это самое, что на мне, – не так плохо за семьдесят пять долларов, правда? А свои платья я оставила на квартире у сестры, в Бруклине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.